

КАПРИЗЫ ИЗМЕНЧИВОЙ СУДЬБЫ

ОЛЕГ
РОЙ

Зов дельфина

Капризы и странности судьбы

Олег Рой

Зов дельфина

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Зов дельфина / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2018 — (Капризы и странности судьбы)

ISBN 978-5-04-096136-8

Лера не знала, как ее угораздило влюбиться в этого Макса, ведь они с ним – абсолютно разные. Она работает в больнице и нуждается в отдыхе, а вокруг него всегда суета, он все время рвется кого-то спасти, подписывает бесчисленные петиции и выходит в море, чтобы лично преградить путь браконьерам. Ее интересуют люди, его – дельфины. Они постоянно спорят и не сходятся во мнениях едва ли не по всем вопросам. Так стоит ли им вообще быть вместе? Разум отвечает «нет», а сердце упорно повторяет «да». И вот наступает день, когда Макс приходится снова находиться на рубеже, в полушаге от смертельной опасности. Быть рядом с ним? Отступить? Принять решение оказывается совсем непросто.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096136-8

© Рой О. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Рой

Зов дельфина

© Резепкин О., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

*А дельфины добрые,
А дельфины мокрые
На тебя глядят умными глазами...*

Юрий Энтин

*У него плавники и хвост, –
но он вовсе не рыбка!
Нет,
это размером с Землю ошибка!
Он плавает где-то там, в глубине,
и он – оттуда к нам гость!
Он не рыбка, не потому что большой,
а потому что – с душой!*

Айса Ли (11 лет)

Часть первая

Пока Леры не было дома, кто-то подменил кресло. Вроде и форма, и цвет, и даже давняя царапина на левом подлокотнике – пухлом, слегка потертом – такие же, как всегда. Вот только качаться это кресло отродясь не умело. А теперь – словно внутрь массивного толстого кресельного тела встроили специальный механизм – не то качательный, не то массажный, вроде того, что неистребимая интернет-реклама пропагандирует. Стоит откинуть голову на мягкую выпуклую спинку – и качает, качает, качает. Как будто и не кресло, а лодка в прибое. Распахнутое напротив окно становится все шире, шире, шире, и вот уже нет никакого окна – небо, залитое победительным солнечным сиянием. Если чуть приподняться, можно увидеть туманную полосу там, где небо превращается в море.

Но подняться немислимо. Точно-точно, кто-то кресло подменил. Или реконструировал...

Неизвестно, как это можно было проделать и кому такое понадобилось, но времени неизвестному злоумышленнику хватило бы. Дома Лера не была два дня.

Утром закончилось суточное дежурство. Нелегкое – впрочем, а когда у них легкие дежурства бывали? Зато нынешнее было, безусловно, радостным: тяжелых неплановых операций не привозили, а прооперированный три дня назад маленький Ванечка совершенно определенно пошел на поправку!

Улыбающаяся Лера только-только стянула с плеч халат, размышляя, не пора ли его постирать, как в дежурку подскочила Карина Леонидовна:

– Лерочка, деточка, подмени, душенька! Вот прям некого за себя оставить! – Заместительница заведующей отделением улыбалась так нежно, что становилась непохожа сама на себя, и бормотала какие-то объяснения. Впрочем, Лера не вслушивалась, какая разница, надо – значит надо. – Ты после дежурства, знаю, но что же, если больше некому? Мне быстренько-быстренько, честное слово!

Быстренько, как же! Спасибо, хоть не на весь день испарилась. А с другой стороны – даже и неплохо, что так вышло. Лере хотелось еще понаблюдать за Ванечкой – не показалось ли улучшение? Нет, не показалось, глазки ясные, порозовел, сердечко не сбоит и вообще дает вполне отчетливую положительную динамику. Молодец мальчишка, завтра-послезавтра можно будет, наверное, из ПИТа в обычную палату переводить! И вот – почти двое суток на ногах. Стоит ли удивляться, что кресло, как лодка, качается? Ноги, ау, вы там вообще живы? А то солнце прямо в глаза бьет, хорошо бы шторм прикрывать... Нет, кажется, даже на это сил не осталось. Вот так бы и проспала, кажется, до самого понедельника. Но проспать до понедельника не получится. Полежать полчаса – в лучшем случае. О том, что в холодильнике шаром покати, а комната недвусмысленно требует уборки, и вовсе думать страшно. В углу, под окном, на низком пуфе свалена груда постельного белья – слава богу, хоть чистого. Вообще-то белью полагается жить в комод, но тяжеленная плоская коробка еще с осени стоит в углу прихожей нераспакованная. А ведь комодик-то еще собрать требуется!

Бабушка, если бы могла видеть, какой хаос воцарился в ее когда-то безукоризненно ухоженной квартире, оказалась бы очень недовольна.

Лера дернула плечом, прикрыла глаза, словно надеясь, что хаос сам по себе исчезнет. Ай, да ладно! Каждый раз ее размышления о домашнем хозяйстве заставляли вспомнить покойную бабушку, и каждый раз Лере думалось: бабушка поняла бы. В конце концов, и хаос – чистое преувеличение, обычный жилой беспорядок. И приемов Лера тут никогда не закатывала. Смешно. Какие приемы!

Она вообще появлялась дома только поспать – да и то не каждый день. Бывало, что и на кушетке в дежурке подремать пристраивалась. Не то чтобы она боялась, что в ее отсутствие

случится что-то ужасное, но что делать, когда внутри что-то шепчет, оглушительно так шепчет: хорошо бы за этим (тем, и еще вон тем) пациентом понаблюдать более внимательно, и, может, операция какая неплановая возникнет, а свободных рук не окажется. Сейчас, когда интернатура была наконец закончена и Лера стала полноправным (хотя бы с официальной точки зрения) врачом – разве можно думать о чем-то кроме работы? В отделении ее уже сейчас уважают, не считают сопливой свистулькой. И пусть в операционную пока допускают лишь вторым – и уж если очень повезет, первым – ассистентом, стоять «на подхвате» (сушить рану, развести полость, ну и шить, когда «первый номер» закончит работу) – это тоже опыт. Важный, необходимый, все через это проходили. Привыкали к мертвенному свету бестеневых ламп, начинали видеть красоту в переблескивании зажимов, скальпелей, ланцетов и слышать музыку в их металлическом перезвоне. Ничего нет лучше! Может, вот прямо в понедельник привезут какой-нибудь простенький аппендицит, а все почему-то окажутся занятыми – и Лера встанет к столу самостоятельно. А там и пойдет, и пойдет... Уже сейчас никто не смотрит на нее сверху вниз, и в обращении «коллега» не слышно насмешки, вот ни капельки! И опытом «старшие» делились вполне охотно. Не только Карина Леонидовна, но даже старая Марина Матвеевна, скептически называвшая всех интернов то «зеленью», а то и вовсе «ранними» (из молодых да ранних), Леру явно выделяла. Называла, правда, деточкой, но совсем необходимо: ну-с, деточка, что вы тут видите? Гм, недурственно, ну продолжайте, продолжайте. И Лера, окрыленная, «продолжала».

Телефон пиликнул эсэмэской – судя по звуку, от мамы. Наверняка беспокоится, чем ее ненаглядная доченька питается и не надо ли помочь с домашним хозяйством. Щурясь на бьющее в окно солнце, Лера улыбнулась: ничего, мам, я справляюсь. И позвоню, только чуть-чуть попозже... вот честное-пречестное слово! И надо бы уже найти пару часов, заглянуть к вам с отцом – последний раз забегала, кажется, с Восьмым марта поздравить. Два месяца назад – ай-яй-яй! И звоню редко, особенно в последнее время... Лера вздохнула. Нет, родители поймут, конечно, и не обидятся, даже если она еще неделю не позвонит... но вообще-то свинство! Десять минут можешь отдыхать, разрешила она сама себе, а потом звони!

Родители ею гордились. Любили, заботились, это само собой, но для нее очень важно было именно это – гордились. Мама и вовсе ни на секунду не сомневалась, что ее единственная дочка станет светилом мирового уровня. Ну вот как доктор Рошаль, не меньше. Лере эти мечты казались почти забавными. Сама она ни о чем таком не думала. Все мысли крутились вокруг диагнозов, схем оперативного вмешательства и послеоперационного наблюдения, и – если уж сосредоточиваться на себе лично – о том, не появилось ли подходящих программ повышения квалификации. Какая слава, какая известность, бог с вами! Те, кто идет в медицину за славой, – они ведь и не врачи вовсе. А она просто находится на своем месте и делает то, что должна. Не кому-то там должна – себе самой. Вот и все.

Тетка Калерия недовольно поджимала губы: ладно, мол, когда про мужчину говорят, что он женат на своей работе, но ты-то, Лёлик, девушка! Тебе наряжаться надо, с молодыми людьми гулять, а то молодость пролетит, а ты так и будешь за чужими детьми горшки выносить. Своих давно пора завести, а ты так и бегаешь бобылкой, смотреть тошно!

В обидном слове «бобылка» была, конечно, доля истины. Нет, не то чтобы Лера вовсе чуждалась парней. Вон в выпускном классе какой бурный роман случился. Короткий, правда. Черт, как же этого мальчика звали-то? Мишка, что ли? Или Лешка? Тишка, вот как его все звали! Потому что фамилия у него была Тихомиров, а вот имя... забыла! Смешно. Высокий, гибкий, красивый, как античный бог – такой типичный приморский мальчик – с вьёвшимся «до костей» загаром и добела выгоревшими волосами, Тишка нравился Лере до дрожи в коленках. Да только вскоре обнаружилось, что читать – учебники, нон-фикшен по истории медицины, да вообще все подряд – ей нравится гораздо, гораздо больше. Она еще вздыхала некоторое время, глядя, как юный «античный бог» угощает мороженым очередную пассию. Но

вздыхала недолго. Точно так же и потом, в университете, все увлечения – их и романами-то не стоило называть – оказывались более чем мимолетными. Не до того оказалось – учеба поглощала все время и все силы. И работа. Работать Лера начала со второго курса – не потому что деньги нужны были, а чтоб осваивать обожаемую медицину «изнутри», – пошла нянечкой в больницу, потом, на последних курсах, фельдшером на «скорую». И для интернатуры, получив новенький диплом, выбрала ту самую больницу, где перемыла когда-то километры и километры полов. И, превратившись из интерна в настоящего врача, разумеется, осталась в этой же больнице – и ведь ее еще и уговаривали, значит, приняли всерьез, значит, заслужила, значит – она на своем месте.

Чужие дети, надо ж было такое выдумать! Какие же они чужие! Если Лера – их лечащий врач, значит, они – ее, так ведь? Им больно, плохо, им нужна помощь – и Лера способна им помочь!

К счастью, тетка Калерия появлялась в их доме совсем изредка, даже на мамы-папины дни рождения, тем паче годовщины свадьбы ее не приглашали. По глубочайшему Лериному убеждению, тетка Калерия была просто самовлюбленная дура. Только дура может сочинить такое дурацкое имечко – Лёлик.

Вообще-то ее окрестили Александрой – Александра, извольте радоваться, Сергеевна, ладно хоть фамилия не Пушкина, вот цирк был бы! – но сколько она себя помнила, все звали ее Лерой. Некоторые пытались применять традиционные «Саши» и «Шуры», но она ни на что такое никогда не откликалась – тем более на придуманную какой-то дурой из параллельного класса «Аллочку». Надо же – Аллочка! Нетушки! Не Саша, не Шура, не Лесюнчик, не Аллочка – Лера и все тут. А если кому не нравится... Впрочем, людям по большей части безразлично, кого как именовать, поэтому Лера, разумеется, победила.

Она любила побеждать. Заковыристую задачку по алгебре, бесконечные латинские падежи, еще более бесконечные названия костей, мышц, нервов и прочих деталей человеческого организма – которые никак не систематизируешь, только зубрить. Хотя, если честно, зубрежки в медицине оказалось не так чтоб через край, очень многое требовало именно что понимания. Упрямство помогало и тут. Чего-чего, а упрямства в Лере было более чем достаточно. Даже, может, и с избытком. Папа называл ее «девочка Нет». Не то чтобы она вовсе не признавала ничьего авторитета. Просто главным было – докопаться до всего самой. Даже будучи зеленой еще совсем первокурсницей, она не боялась спорить с седовласыми маститыми профессорами. Еще тогда стало ясно, что седовласость даже вкупе с ученым званием отнюдь не гарантирует неременной правоты. Однажды, будучи всего только нянечкой, она сцепилась с проверяющей из облздрава. Та, старательно демонстрируя «визит королевы в чумной барак», хотела угостить одну из маленьких пациенток конфеткой. Лера, как была, со шваброй наперевес, встала между ними, буркнув про аллергию, но надутая от высокомерия дама только фыркнула брезгливо – пустяки, мол, ничего плохого от одной конфетки не будет. Дамочку (профессоршу, доктора медицинских наук и большую начальницу) Лера вспоминала еще: ну как так можно? Тогдашний зав потом рассказал, вздыхая, что тетка требовала «выкинуть наглуую уборщицу за порог», но увольнять Леру, конечно, не стали – рабочих рук всегда не хватает. И старательная толковая нянечка для отделения куда важнее, чем надутая «профессорша», сколько бы корочек у важной особы ни было.

Лерино уважение не зависело ни от должности, ни от количества «степеней». Вон к санитарке Глаше (ее полное имя – Гликерия Серафимовна – всем казалось слишком длинным) сама Марина Матвеевна прислушивается. Потому что: «Диагностическое чутье, деточка, – это многолетний опыт, помноженный на здравый смысл. Плюс эмпатия, а этому, если боженька не одарил, очень трудно научиться. Наша Глаша, может, и слова такого не знает – эмпатия, но пациента чувствует так, как мало кто из вас и через десять лет чувствовать будет. Учись,

деточка, пока есть возможность, а когда ее нет, найди и продолжай учиться, только так, и никак иначе».

И Лера училась. Как, скажите, сюда личную жизнь вписать? Иногда, едва живая от усталости, она мечтала об отпуске: обычно люди грезят курортными радостями – море, пляж, солнце – а ей, пожизненной обитательнице южного приморского курорта, хотелось собственными глазами увидеть Санкт-Петербург. В самом этом названии Лере чудилась строгая стройность мраморных колонн и гулкая ширина проспектов, все казалось, что именно в Питере ей откроется что-то... что-то важное, абсолютно необходимое. Но планы на отпуск откладывались раз за разом. Какой тут отпуск, если нет времени – скорее, впрочем, сил и желания – даже в кафе на набережной посидеть, празднично глядя в сверкающий морской простор.

Но в последнее время действительно кое-что изменилось.

На Максима Лера налетела в больничном дворике: она стремглав неслась в лабораторию, а он прогуливался возле взрослой травматологии, куда заглянул навестить одного из друзей. К таковым он, впрочем, относил чуть ли не половину города, хотя вроде бы считается, что программисты – а новый знакомый отреккомендовался именно так – нелюдимые мрачные типы, которых из домашней «берлоги» не выгонишь, и ходят они в растянутых свитерах, не стиранных с момента покупки, с крошками чипсов в неухоженной бороде и пивными пятнами на обвислых джинсах. Бороды Макс не носил, свитера признавал только в качестве походной экипировки, джинсы сидели на нем ладно, как на витринном манекене, а футболки – без единого пятнышка, разумеется, – отчетливо благоухали стиральными ополаскивателями «какая-нибудь свежесть». Пива и прочего алкоголя Макс сторонился (мозги, дескать, жалко), мяса не употреблял в принципе (а вдруг эта корова – четвероногий Эйнштейн, а мы ее жевать станем?) и вообще был ярым защитником природы. Лера сама в юности зачитывалась Дарреллом, чьи пестрые глянцево-томики до сих пор занимали на книжных полках почетное место, его деятельностью по спасению исчезающих видов искренне восхищалась, но к себе лично все это никогда не относил: не всем же зверей спасать, кто-то и детей лечить должен.

У Макса же как-то получалось совмещать «спасение» (кого и чего угодно) и основную работу. Тем более, радостно рассказывал он уже на первом свидании, в двадцать первом-то веке совершенно не обязательно подыхать со скуки, привязывая себя к одному месту. Ноутбук в рюкзаке – и работай где угодно: хоть на пляже, хоть в тундре, хоть на необитаемом острове. Он с гордостью продемонстрировал ей «ручное» зарядное устройство:

– Видишь, как удобно? Кулаки-то всегда при себе, жми и вырабатывай ток. Розетки-то электрические, сама понимаешь, не везде имеются. Такие зарядки еще и pedalные есть, у меня дома валяется, с собой таскать неудобно – слишком габаритная.

Слушая веселый голос, Лера грустно констатировала, что при всем своем брызжущем обаянии Макс совершенно не ее тип. Да, напористый – с ходу пригласил приглянувшуюся девушку в кафе (она и забыла, каково это – сидеть на террасе, вдыхая соленый запах налетающего с моря ветерка и бездумно щурясь на солнце). Да, не поленился дожидаться после дежурства – чтоб не сбежала, забыв о назначенном свидании. Предприимчивый, предусмотрительный, внимательный... И при всем том – словно из другого мира. Хорошо ему говорить про возможность работать «откуда угодно». Медицина же, как ни крути, при всех достижениях современности, нужна там, где пациент. Хотя и жаль... Классный парень...

Она почти убедилась, что не слишком расстроится, если первая встреча окажется и последней. Как обычно и бывало: после третьего-четвертого ее «извини, сегодня никак не получится» очередной «соискатель» (ау, тетя Калерия!) просто переставал звонить.

Макс, однако, обнаружил не только настойчивость, но и неожиданную готовность к компромиссам. Лерины «давай на послезавтра перенесем» его, кажется, вовсе не обижали, никаких далекоидущих выводов (ах, если она вечно занята, значит, не больно-то я ей нужен) он

из этого не делал. Зато, когда свидание все же удавалось, радовался искренне, как только дети умеют.

Лера убеждала себя, что «в этот раз просто звезды так сошлись», но в то же время ловила себя на том, что и сама старается перестроить свой график так, чтобы оставалось время на встречи с Максом.

Хотя первое впечатление – человек из другой вселенной – оказалось даже более верным, нежели можно было предположить. Макс, со всеми своими дружелюбием, отзывчивостью и обаянием, оказался той еще головной болью. Не то чтобы он специально искал приключений. Но почему-то возле него постоянно возникала необходимость кого-то спасти, кого-то защищать, кому-то помогать. И все это, разумеется, срочно-срочно-срочно! Так что он вполне мог сорваться и исчезнуть, не удосужившись предупредить ни Леру, ни кого-нибудь из своих многочисленных друзей – забыв при этом телефон или оказавшись «вне зоны действия сети». А через несколько дней вернуться с таким видом, будто ничего не случилось. Вот уж воистину, горько усмехалась она: хочешь научиться принимать людей такими, какие они есть, – свяжись с Максом. Лопнет ли у тебя в итоге терпение или, напротив, ты познаешь безмятежность дзен – но сам Макс все равно останется все тем же.

Думать о Максе было приятно. Вот так бы лежать в кресле, убаюкивая себя этими расслабляющими мыслями...

Но... устала не устала – изволь собраться, привести себя в порядок (спички, что ли, в глаза вставить, чтоб не закрывались?), и вперед. Ибо обещала. С Максимом планы на этот вечер были согласованы дня четыре назад. Выспаться после дежурства и отправиться с ним в гости – в тот момент идея выглядела более чем соблазнительной. Кто же знал, что после дежурства придется торчать в отделении? И сейчас тащиться через полгорода по неостывшим еще от полуденного пекла улицам казалось почти безумием. Хотя соскучиться она успела изрядно... Да и насчет расстояния – явное преувеличение, до дома этого самого Бориса, чей день рождения служил поводом для сборища, даже черепашью шагом – не больше часа. И жара уже пошла потихоньку на убыль. Лера потянулась, высвобождаясь из сонных объятий кресла. Свежо станет разве что к полуночи – май выдался традиционно жарким, но нестерпимым зной уже не назовешь. Надо собираться. Интересно, думала она, с наслаждением подставляя лицо прохладным струям из душа, что Макс в качестве подарка приготовил? Небось, какой-нибудь электронный прибабах? Или, как нынче у мальчиков модно, радиоуправляемый вертолет?

Электронным подарок мог считаться разве что с очень большой натяжкой. Хотя пульт радиоуправления присутствовал. Но в гигантской коробке покоился не вертолет – игрушечная железная дорога.

– С возможностью достройки! – гордо сообщил Макс, демонстрируя свое приобретение.

Лера постаралась скрыть снисходительную усмешку – вот уж воистину подходящий подарок для здорового двадцативосьмилетнего парня.

Тот, впрочем, игрушке обрадовался совершенно искренне. И после первых тостов большая половина из двух десятков гостей, покинув накрытый стол, принялись азартно собирать воедино стрелки, поворотные круги, акведуки, тоннели и бог знает что еще.

Остальные устроили танцевальный марафон. Как им не жарко, думала Лера, растянувшись в шезлонге с бокалом вишнево-грейпфрутового сока, щедро сдобренного льдом. С этого угла широкой террасы ей были видны и те, кто увлекся железнодорожным строительством, и те, кто предпочел танцы. Ан нет, все-таки жарко! Кто-то притащил два ведра воды, и танцующие с визгом и воплями принялись обливаться друг друга. Да, если так, она, пожалуй, тоже с удовольствием бы повеселилась. И водой бы поплескалась, и потанцевала бы. Но без Макса это было почему-то неинтересно. А тот увлеченно гонял вагончики – восторженных воплей с места «стройки» доносилось не меньше, чем от занятой танцами террасы.

Не только, впрочем, восторженных. Ссорятся они там, что ли? Лера отставила свой бокал и двинулась туда, откуда доносились голоса. В голосе Макса определенно звучало раздражение. Или это был гнев?

– Что за шум, а драки нет? – как могла весело поинтересовалась Лера, подойдя к «железнодорожникам», которые, однако, уже ничего не строили и не гоняли, а довольно бурно о чем-то спорили. – Или есть? В смысле, вы чего тут искрами сыплете?

– Да вот, – Борис пожал плечами. – Спросили про мою последнюю работу, и я имел неосторожность...

– Он забыл, что при Максе нельзя упоминать о дельфинах! – перебила его миниатюрная, очень хорошенькая девушка с длинными, ниже пояса, платиновыми волосами, нынешняя пассия Бориса.

Возле стеллажа в углу с высокомерным видом стояла очень на нее похожая, только коротко стриженная красотка в облегающем ярко-красном платье с откровенным декольте. Сестры. Лера вспомнила, как их представляли: Маша и Даша. Или Валя и Галя? Или вовсе Таня и Аня? С Максом сестрички уже были знакомы, а вот Леру окунули не самыми ласковыми взглядами. Особенно та, что в красном, явившаяся на вечеринку без сопровождения, вроде как за компанию с сестрой. Может, не просто за компанию, может, у нее на Макса виды? Глупости какие, мысленно одернула себя Лера. Разве девушка непременно должна ловить кавалера, и уж тем более чужого? Особенно такая красивая, даже, пожалуй, красивее своей сестры. Мальчишеская стрижка, контрастируя с подчеркнута женственными изгибами, обрисованными ярким платьем, придавала ее облику пикантности. Впрочем, «изгибы» у обеих сестер были одинаково аппетитными, а длина прически – дело личного вкуса, кому стриженные нравятся, кому наоборот. Борис, которому, вероятно, больше нравились «наоборот», ухмыльнувшись, похлопал длинноволосую по выпуклой изящной попке.

– Котик, перебивать невежливо.

Длинноволосая засмеялась.

– Не упомянуть, а потакать преступлению! – взорвался Макс. – И еще шутить над этим!

– Не, Макс, ну ты чего в самом-то деле? – лениво протянул именинник, усаживая длинноволосую блондинку к себе на колени. – Кто тебя укусил? Не, я все понимаю, дельфины – они практически как люди, даже, может, лучше, но я-то тут при чем?

– А ты ни при чем? Вот совсем-совсем? – Макс, казалось, сейчас лопнет от бешенства. – Как ты вообще можешь работать на такого монстра?

– Вот здасьти! – Борис ссадил блондинку на диван рядом с собой и нахмурился. – Не, Макс, ну ты чего вообще? Я занимаюсь поставкой и монтажом торгового оборудования. Ну там витрины всякие, кассы, весы и тому подобная фигня. Если хозяину торгового центра прищипит разместить посреди своих владений стриптизный шест – ну или бассейн с дельфинами, как в этом случае, – я ж никак на это повлиять не могу. От слова «совсем», понимаешь? То есть абсолютно.

– Бассейн?! – Макс яростно стукнул себя по колену. – Бассейн! Ты эти... бассейны видел?

– Ну не видел, и что?

– А то! Это... это... Ты вообще знаешь, откуда в таких... бассейнах... – Макс прошипел это невинное, в сущности, слово, как выплюнул. – Знаешь, откуда там дельфины? Знаешь, как их добывают? Очень просто. Загоняют стаю, убивают взрослых особей, а малышей забирают и продают владельцам таких вот... цирков и бассейнов. Обучают, в зависимости от хотелок владельца, трюкам разным, причем дрессируют по весьма жестким методикам. Дельфины вообще-то и сами склонны выдумывать всякие фокусы, но прыжки через огненные кольца и тому подобные издевательства им в голову, сам понимаешь, никогда бы не пришли. А тут хозяин – барин. Обученные, хотя правильнее сказать: натасканные дельфины начинают веселить почтенную публику. Недолго. Год-два. Это против нескольких десятков лет в природных

условиях. А когда пленники погибают, ловят следующих. Снова и снова. Потому что в неволе дельфины не размножаются.

Спорить Лере вовсе не хотелось – хотя Макс со своей защитой природы нередко, на ее взгляд, перебарщивал, но, собственно, разве это так уж плохо? Дело-то и впрямь важное – но последняя фраза прозвучала для нее как фальшивая нота в красивой, хотя и слишком громкой мелодии:

– Не размножаются? Да неужели? – Она скептически вздернула брови и усмехнулась. – Ты же сам мне недавно показывал видео – как в одном из океанариумов, не помню, в каком именно, у самки двойня родилась. Уже забыл, как детенышами восторгался?

Блондинка в красном, элегантно прислонившаяся к дверному косяку, окинула Леру заинтересованным и одновременно снисходительным взглядом и лениво протянула:

– Действительно... У нас же неподалеку отличный дельфинарий. Как его... «Атлантис»? Или «Нептун», что ли? Не помню. Там часть бухты огорожена, а дельфинчики там так классно скачут. По-моему, никто их особенно не заставляет, они сами. А чего ж не покувыркаться? Бухта там размером... большая, в общем. И кормят их не за трюки, а просто кормят. Чего плохого-то?

Макс окончательно помрачнел:

– Таких единицы. Это... это совсем другое дело! Там... – Он нахмурился, покрутил пальцами, словно пытаясь выудить точные слова из воздуха. – Огороженная бухта – это и впрямь практически естественные условия. Но таких ничтожное количество, общая же ситуация – это полный кошмар. Нынче мода пошла на дельфинов, чуть не каждый занюханый торговый центр норовит у себя для завлечения покупателей «дельфинарий» устроить. – Он произнес «дельфинарий» так презрительно, почти с ненавистью, что Лера буквально услышала кавычки. – Поставят железную бочку, хорошо, если новую, а то возьмут бак, списанный с нефтебазы какой-нибудь, а ведь нефтепродукты толком не отмоешь. Недавно в Краснодарском крае один такой... «дельфинарий»... прикрыли. Дельфинов еле спасли. А сколько таких, которые закрыть не успевают? А передвижные? С надувными бассейнами. Там глубины еле-еле, чтоб дельфинам плавать, а их кувыркаться заставляют. Вода, ясное дело, застаивается, чуть не воняет. Туалетов-то для дельфинов не предусмотрено, а кто ж станет прерывать череду представлений ради того, чтоб воду сменить и бассейн почистить. Постояли в каком-нибудь городе, собрали денег, потом сдули бассейн, а дельфинов в автоцистерны, вроде тех, в которых бензин возят. И поехали.

– Ну... не знаю, – подала голос полненькая брюнетка с забранными в хвост волосами, до того тихо сидевшая в уголке у окна. – По-моему, вы преувеличиваете. Разве не может быть, что дельфинам у людей нравится? И прыгают они с удовольствием. Если бы им плохо было, разве они улыбались бы?

– Улыбаются? – Макс криво усмехнулся. – Видишь ли, – процедил он сквозь зубы, – то, что тебе видится «улыбкой» дельфина, никакого отношения к радости не имеет. Эта, как некоторые любят называть, улыбка – вообще не проявление эмоций. Никаких. Ни положительных, ни даже отрицательных. Не мимика то есть. Вообще-то мимика у дельфинов наличествует, но пресловутая «улыбка» – всего лишь особенности строения головы. Ни радость, ни удовольствие тут ни при чем. И, кстати сказать, эта пресловутая «улыбка» более-менее выражена только у афалин. Ну бутылконосых дельфинов, которых чаще всего рисуют, в кино снимают и в неволе содержат. А вот у малых косаток – они с афалинами близкие родственники, даже скрещиваться могут, но выглядят совершенно по-другому, потому что клюва у них нет, голова лобастая, как у большинства китообразных. С малыми косатками тоже работают, вот только в кино их уже не снимают. Именно потому что при отсутствии «клюва» морда выглядит совсем не так дружелюбно. Хотя косатки тоже охотно идут на контакт с людьми, ведут себя мирно, но чтобы увидеть вот в этом... – он повернул от себя планшет, на экране кото-

рого красовалась темная зубастая морда. Почему-то нестрашная, но и милой ее назвать было трудно. – Вот чтобы в этом увидеть улыбку, надо очень большим воображением обладать. Хотя по характеру они примерно такие же, как афалины. Так что эта самая «улыбка» не аргумент. Тем более не аргумент за то, чтобы продолжать издевательства.

– Да ладно нагнетать-то! – Блондинка в красном махнула рукой, словно отменяя все возражения. – Видно же, что им там хорошо! И представления они такие классные устраивают...

– Вот скажи, – перебил ее Макс, презрительно хмыкнув и поджимая губы. – Представь на месте дельфинов людей. Огородили им место, кормят, ухаживают, а взамен требуют всякие трюки исполнять. Как в Древнем Риме – гладиаторы. Ты и на такие представления ходила бы? И тоже считала бы их классными?

– А что? – Блондинка дернула плечиком, так что эффектное декольте приняло еще более соблазнительные очертания. – В цирк мы ведь ходим... А там гимнасты, клоуны – тоже ведь, как подумаешь, за еду почтенную публику веселят. Пусть даже и в виде зарплаты эта еда, но какая разница. И еще дрессировщики. Вот скажи, какая разница между самим дрессировщиком и его звериками? Если с точки зрения свободы-несвободы – очень небольшая. И гладиаторские бои тут вовсе ни при чем. Они там должны были убивать друг друга, а дельфинов же не заставляют биться.

– Да они бы и не стали, – раздраженно буркнул Макс. – Только человек убивает себе подобных.

– Да неужели? – Блондинка в красном не на шутку распалилась. – Волки, олени, даже птицы – среди всех животных поединки распространены.

– Это он, наверное, про то, что дельфины ужас какие благородные создания, – сладким, как мед, голосом протянула ее сестрица, соблазнительно изогнувшись, чтобы пристроить голову на плечо Борису. – Даже тонущих людей спасают! Есть тыща рассказов про то, как дельфины уставшего или раненого пловца к берегу толкали.

– Какая ты у меня умная, ужас! – Именинник чмокнул длинноволосую в висок. – А в дополнение к этой тыще рассказов о чудесных спасениях – ни одного рассказа от тех, кого дельфины толкали в обратную сторону. Понятно почему. Но учитываются почему-то только рассказы оставшихся в живых.

– Ты... – Макс несколько раз сжал и разжал кулаки, втянул воздух через сжатые зубы.

– Что – я? – Борис посмотрел на приятеля снисходительно, но неожиданно улыбнулся. – Макс, я вовсе не хотел тебя обидеть. Но здравый смысл никто еще не отменял.

– Думаешь, поймал? – Макс усмехнулся довольно криво. – Я эту шуточку про «тех, кого дельфины толкали от берега» слышал, еще когда в школу не ходил.

– Шуточку? – уточнил Борис. – Или все-таки здравое соображение?

– Ой, не передергивай. – Макс поморщился. – Само собой, это здравое соображение. Только оно ничего не меняет в общей картине. То, что дельфины людей спасают, – не случайность. И не игра. А насчет «от берега»... Представь, что ты вырос в воде. Прожил в ней всю жизнь. Всегда. Понимаешь? С какого перепугу ты будешь – даже желая спасти – пихать кого-то к суше? Дельфинам сама идея суши должна быть чужда органически. Конечно, они не к гипотетическому берегу спасаемых подталкивают. Отнюдь. Всего лишь выталкивают на поверхность воды – чтобы можно было дышать. И все. А уж к берегу или от него, вектор, в смысле, – вопрос личного везения спасаемого. Они ведь, знаешь ли, не только людей спасают. Говорят, даже акул. Хотя, казалось бы, естественные враги... И да, я далек от того, чтобы очеловечивать дельфинов. Хотя бы потому, что они в этом, как я уверен, не нуждаются.

– Типа две цивилизации на одной планете? – скептически хмыкнул Борис.

– Почему нет? – Макс, казалось, потерял интерес к разговору: сосредоточенно взглядывался в экран смартфона, отвлекался на планшет, возвращался к телефону... Как будто старался не глядеть на человека, с которым вроде бы беседовал. Может, и не старался, может, у

него в телефоне и в планшете и впрямь происходило что-то очень-очень интересное и важное, но вот так уж Лере показалось.

И, похоже, не только ей. Блондинка номер два недовольно, почти высокомерно скривилась:

– Да хотя бы потому, что где она, вторая цивилизация? Дома, телефоны, железные дороги? Или хоть что-нибудь эдакое?

– Очень соблазнительно принять наличие архитектуры или транспорта как критерий уровня разумности. Типа есть материальные свидетельства – признаем цивилизацию, нет – ку-ку! Но ведь это глупость! Или брать за тот же критерий способность создать ядерную бомбу – еще бóльшая глупость! Способность – не в смысле желания, а в смысле стремления к реализации – создать эту самую бомбу скорее уж свидетельство безмозглости, а не разума. Разве нет? Разум вроде бы стремится к самосохранению. Себя лично. И собственного вида. И где тут ядерная бомба? Равно, как, кстати, и железные дороги вместе с мостами. Ни мосты, ни телефоны дельфинам не нужны. Разум не обязательно в технологиях проявляется. Да и что мы знаем о дельфиньих технологиях? А пока не знаем, почему берем на себя право... ладно, даже не в разумности, наверное, дело. Почему мы так жестоки? Животные нередко не в состоянии от нас защититься – просто не в состоянии! Даже те, кого вряд ли стоит называть животными. Хотя... человек с точки зрения биологической систематики – тоже животное.

– Ну... – Длинноволосая прижалась к Борису еще более картинно, даже презрительная гримаска ее не портила. – Дельфины все-таки не люди...

– Это, знаете ли, еще вопрос, – не менее презрительно протянул Макс. – Может, они люди не меньше, чем мы, а то и больше. Если они не строят мостов и башен, это же не отсутствие разума. Главное свидетельство разумности – язык. И вот с языком у них...

– Это ты про все эти щелчки, посвистывания и прочий щебет? – фыркнула пассия Бориса. – Птички тоже и свистят, и щелкают, и посвистывают. Давайте соловьев к разумным причислим!

– Соловьиные трели не несут сколько-нибудь структурированной информации. На эту тему есть масса исследований, я их сейчас пересказывать не буду, ладно? Главное, что соловьи не разговаривают, а дельфины – именно разговаривают. Одних только слышимых свистов уже выявлено почти двести. А еще щелчки, щебет и прочее, это не считая того, что основная часть дельфиньих высказываний лежит выше нашего уровня восприятия, мы их без приборов вообще не слышим: люди различают звуки до двадцати килогерц, дельфины используют до двухсот килогерц. Но количество сигналов – не основное. Главное – как эти сигналы организованы и организованы ли вообще. Вот у соловья, к примеру, организация практически отсутствует. У человека – шесть уровней: звук, слог, слово, фраза, абзац, контекст. И у дельфинов – то же самое! Так что их щебет – это не набор простейших сигналов, на которые способен, к примеру, собачий свисток, а именно речь! Первый признак развитого разума! Что же до изготовления орудий труда – второй признак – то, во-первых, трудно оценить, насколько дельфинам вообще нужны орудия труда, а во-вторых, мы еще слишком мало знаем, чтобы делать выводы. Речь у них уж точно наличествует. И самосознание, и социальное сознание...

– Макс! – перебил его Борис. – Очень может быть, что твои обожаемые дельфины – тоже в каком-то смысле люди. Ну если то, что ты говоришь про их язык, верно, похоже, что так. Уровень мышления определяется уровнем развития сигнальных систем. Первая, вторая, третья... Если окажется, что дельфины способны оперировать абстрактными понятиями...

– Судя по всему, способны, – буркнул Макс. – Во всяком случае, имена они умеют не только распознавать, но и присваивать. И обобщать способны...

– Если способны, – продолжил именинник, – тогда я, пожалуй, соглашусь с тобой насчет разума дельфинов. Но вот в чем закавыка. Тебе не приходит в голову, что неидеальное обра-

щение с ними – мягко говоря, не самая насущная проблема человечества? Вон у Леры спроси, что она как врач по этому поводу думает.

Вот уж чего Лере не хотелось, так это объяснять свою позицию. Плевать и на Бориса, и на этих сестричек-блондинок, и на всех прочих – ей нет до них никакого дела. Но Макс... он ведь наверняка уверен, что она на его стороне, наверняка рассчитывает на это. А она... Никогда и ничего она не принимала на веру без достаточно убедительной аргументации. Девочка «Нет». И сейчас... Ну да, дельфинов жалко – и бездомных собак жалко, и замерзающих зимой птичек жалко, и, кстати, лабораторных крыс, кладущих свои короткие жизни на алтарь развития медицины, их тоже жалко. Но людей – тем более детей – жальче. Может, годы, посвященные медицине, ее, Леру, необратимо изменили? Или наоборот – именно потому, что она такая, как есть, она и посвятила себя медицине? Как знать...

Она почти физически чувствовала сгустившееся вокруг молчание. И странно похожие лица двух блондинок (так и не удалось запомнить, как которую зовут): и девушка Бориса, и ее сестрица смотрели на Леру с одним и тем же жадно выжидающим выражением на красивых лицах. Она видела такие выражения, когда на последних курсах ездила фельдшером на «скорой». Зеваки, столпившиеся вокруг мест какой-нибудь аварии, смотрели на пострадавших точно так же: уже умер или еще дышит? Или уже перестает? Как стервятники. И щелкали телефонами, запечатлевая «крутую» картинку. Не все, конечно, но среди зевак таких бывало не меньше половины. Что, собственно, и неудивительно: нормальному человеку среди зевак делать нечего, ему вряд ли будет в кайф пялиться на чужие страдания. Способен помочь – помощи, нет – ступай своей дорогой. Две блондинки же сейчас именно... пялились. Только ожидали, конечно, не смерти Лериной, а, вероятно, чего-то вроде семейной сцены между ней и Максом. Это же так интересно, когда признанная пара публично ссорится!

Если такие – за дельфиньи цирки, подумалось вдруг ей, то я – точно против. Хотя вопрос, конечно, не в ее личном одобрении и неодобрении чего бы то ни было. Максим все-таки слишком... прямолинеен.

– Не в том ведь дело, что я врач, – поморщилась она. – Я человек. А не дельфин. Поэтому для меня на первом плане – человеческие проблемы. Так что Борис прав. Извините, ребята, у меня сил нет спорить, двое суток на ногах. Пойду перекурю.

Вот вам и немая сцена из «Ревизора», раздраженно подумала Лера, облокотившись – почти улегшись – на широкие, нагретые за день перила просторной террасы. Курила она мало и нечасто, но сейчас схватилась за сигарету, как за спасательный круг. Вся эта сцена ее порядком раздражала. Детский сад, ей-богу! Мимими, кошечки, собачки, дельфинчики! Давайте крыс лабораторных защищать начнем! Впрочем, кажется, кто-то из «зеленых» уже и за «освобождение подопытных животных» борется. Фанатики! Она щелкнула фирменной, полученной в подарок зажигалкой, которую всегда носила с собой, и закурила. Дым показался непривычно горьким, но она сердито продолжала пускать сизые кольца.

– Опять дымишь! – Макс ласково обнял ее сзади. Лера расслабленно прикрыла глаза, чувствуя как откуда-то из глубины поднимается теплая – еще не жаркая, но почти, почти – волна. Вот она, одна из главных причин, почему Лера так долго тянула этот роман. Ну да, они очень, очень разные, и в то же время – как две совпадающие половинки! Иначе почему она пылает вулканом от легчайшего прикосновения Макса? Но он продолжал:

– Отравляешь не только себя, но и окружающую среду!

Вероятно, он просто хотел пошутить, но Лера неожиданно вспыхнула. Обычно ее раздражали именно замечания по поводу «курить вредно»: мое здоровье, что хочу, то с ним и делаю. Но сейчас противопоставление ее здоровья и благополучия окружающей среды почему-то показалось обидным.

– Ты вообще можешь думать о чем-нибудь, кроме охраны природы?

Макс пожал плечами:

– Я много о чем думаю. Но охрана природы, на мой взгляд, одна из самых важных сейчас вещей, если не бить во все колокола, уже нашим детям... – Он на мгновение сбился, словно осознав двусмысленность сказанного, но тут же, криво усмехнувшись, продолжал: – Уже следующему поколению, быть может, придется жить на опустошенной планете. Да, это важно. Поэтому я об этом говорю, говорил и буду говорить.

– Надо же! Ты ничего другого важным не находишь? – Леру подхватила волна непривычной горячности, почти злости. – Ну, знаешь, мировой голод, дети, которые рождаются уже ВИЧ-инфицированными, отсутствие доступа к самым элементарным лекарствам, не говоря уж о нормальной медицине, у трети, если не у половины, населения нашего земного шарика?

Какая-то часть Лериного сознания словно отделилась, наблюдая за сценой откуда-то сверху, почти равнодушно отмечая, что они с Максом сейчас словно поменялись ролями: всегда уравновешенная и сдержанная Лера бросалась в яростную атаку, а увлекающийся, взрывной Макс оставался спокойным:

– Разумеется, все, о чем ты говоришь, очень важно, это, собственно, тоже вопрос выживания человечества. Но... тут такая петрушка... Существует масса людей, которые на решение этих проблем готовы жизнь положить. Более того. Об этих проблемах все знают, все даже где-то чувствуют себя виноватыми и согласны, что усилия для решения этих проблем необходимы. Невозможно ведь, чтобы кто-то сказал: ой, пойдем позырим на голодных детишек, это прикольно! Не знаю, сочтут ли такого персонажа реальным психом, но отшатнутся от него многие. Подобные... как бы это помягче... шуточки выходят за рамки социально одобряемого поведения. Но в то же самое время рядом с нами мучаются существа, которые, весьма вероятно, так же разумны, как мы. А подавляющему большинству людей – и даже вполне неплохих людей – на это наплевать. Они просто... ну не знаю... не замечают в этом проблемы, что ли.

Макс говорил, в сущности, довольно правильные вещи, но Леру почему-то даже эта правота раздражала:

– Потому что вполне возможно, что твои обожаемые дельфины вовсе не настолько разумны. А дети – настоящие живые дети – продолжают умирать, тоже вполне по-настоящему. И в большинстве случаев, – она вложила в голос максимум доступной язвительности, – все эти прыжки вокруг несчастных звериков – от нежелания заниматься гораздо, гораздо более насущными проблемами. Может, сперва сделать так, чтобы дети не умирали из-за отсутствия медицинской помощи или от банального голода, а после ублажать себя спасением всего и вся?

– Вот уж не ожидал от тебя...

– Не ожидал, что врача прежде всего интересуют люди? – Она все никак не могла успокоиться. – Вот уж действительно.

– Не передергивай. – Он улыбнулся, но так печально, что у Леры сжалось сердце.

– Это я передергиваю? Вся эта защита природы... ну ладно, не вся, на три четверти – такие же игрушки, как с вегетарианством.

– Чем же тебе не угодило вегетарианство? Убивать живых существ ради наполнения своей тарелки кажется мне... не слишком достойным, вот и все. Не думаю, что вегетарианство – это игрушки. По-моему, именно к этому мы и должны стремиться. Чем более развита цивилизация, тем менее она приемлет насилие. Разве не так?

– Макс! – почти простонала Лера. – Я ведь не лезу в твое программирование или даже в охрану природы. Ну да, сейчас вышла из рамок, но обычно-то помалкиваю. Потому что понимаю – я не в теме. Так уж будь добр, не пытайся меня учить тому, в чем я разбираюсь всяко лучше.

– В вегетарианстве? – Он скептически хмыкнул.

– В человеческой физиологии, Макс. Человек – биологически не вегетарианец. Да ты хоть на зубы посмотри. Ни у одного растительноядного животного не бывает клыков.

– Хочешь сказать, мы хищники, что ли?

Ей стало смешно.

– Ну вот сразу уж и хищники. У хищников нет плоских коренных зубов. Всеядные мы, Макс. Всеядные. Как большинство приматов.

– Обезьян, в смысле? Ну так... Погоди... Но ведь, может, клыки – просто атавизм? И у шимпанзе, и у горилл они есть, да еще какие, а обезьяны же бананами и прочими фруктами питаются, разве нет?

Лера пожала плечами:

– В том числе бананами. А еще не брезгуют жуками, червяками, яйцами и даже свежеслупившимися птенчиками. Впрочем, довольно и того, что они лопают разных там бабочек-кузнечиков.

– Ну не знаю... Да и мы уже не обезьяны. Что ж, только на основании строения зубов сразу вывод...

– Не только. Зубная формула вполне может быть атавизмом, тут ты прав. Но вот длина кишечника – уже точно не атавизм. Она, кстати, у нас как раз средняя между хищниками и травоядными. У хищников кишечник короткий, две-три длины тела. У травоядных – двадцать. Зря, что ли, у коровы аж четыре желудка, в смысле четыре отдела желудка? Да еще кишечник длиннющий. А у человека – средний, примерно восемь длин тела. Но главное – биохимия. Наш организм не умеет синтезировать некоторые необходимые аминокислоты, их штук двадцать, но без них никак. И получить их возможно только из животной пищи. Кстати, эти самые белки и для мозга необходимы. Ну вот так человек устроен. Есть животные – кстати, вполне себе млекопитающие, не какая-нибудь там саранча – которые никогда в жизни не пьют. Нельзя же на основании этого начать отучаться от воды. Так и с животными белками.

– Ну не знаю... – медленно повторил Макс. – Все равно... Убивать живых существ ради того, чтобы набить собственный желудок... как-то это не очень...

– Макс! Если так, тебе придется научиться есть камни. Потому что растения абсолютно точно живые, а? А вдруг они еще и мыслящие? Чувствующие – это наверняка. По-своему, по-растительному. Возьмем пшеницу: проклюнулась из зернышка, растет, солнышку и дождю радуется, деток растит, из которых новые ростки появляются... А этих деток, в смысле, пшеничные зерна – раз, и в мельницу, а после – в печку. Кушай, Максик, хлебушек! Салатные листья ты вообще живьем поедаете – ничего, нормально? Может, им больно?

– У них же нет нервной системы... – довольно растерянно возразил Макс.

– Мы не знаем, – улыбнулась Лера. – Привычной нам нет, но тем не менее. Даже амеба съезживается, если ее уколеть. Значит, чувствует? Амеба, Макс! Простейшее одноклеточное. Вряд ли растения, усложняясь, утратили эту способность. Мимоза при прикосновении складывает листочки – значит, точно чувствует? И солнечный свет они тоже ощущают – многие растения поворачивают листья за солнцем. Почему бы им точно тем же способом не ощущать боль? Может, они кричат, только никто их не слышит? Чем поедание салата или овсяной каши отличается от поедания бифштекса или яичницы? Принципиально – ничем. Вся природа состоит из пищевых цепочек. Одно живое существо поедает другое. Только растения питаются неорганикой. Впрочем, органикой тоже. Большинство – мертвой, некоторые – и вполне живой. Росянка тебе в пример и прочие орхидеи. Растения-хищники. Про животных и говорить нечего. Каждый кого-то ест. Так уж все устроено.

– Но разум может ведь... разум просто обязан нести милосердие!

– Милосердие? Тогда тебе придется и от растительной пищи отказаться. Это логично. Нет принципиальной разницы между капустой и куриным яйцом. Кстати... Вспомнилось вдруг. Вегетарианцы очень уважают мед. При этом даже не удосуживаются задуматься, что этот самый мед оплачен жизнями тысяч – я не преувеличиваю, тысяч, так уж все устроено – пчел. Существ, весьма вероятно, разумных. Разумных вне нашего понимания, правда. Но: язык, и весьма сложный, наличествует, изготовление орудий труда – разнообразных сотов – тоже. Вердикт: разум.

Но человеку плевать. Вегетарианцу, собственно, тоже. Ах, пчелки, ах, собрали мед, ах, мы его себе, а им взамен теплое место для зимовки. Прекрасно. Только мед этот все равно оплачен пчелиными жизнями, причем в гораздо большем количестве, чем если бы пчелы существовали сами по себе, без нас. Так гуманно ли этот мед есть? Что же касается того, что разум должен нести милосердие... Тебя не смущает, что твои любимые дельфины – хищники? Они-то рыбу трескают, мама не горюй, и никакими моральными терзаниями по этому поводу не заморачиваются. Что-то я не слышала, чтобы кто-то из них предпочел планктон. А чего? Киты вон лопают же, так почему бы и дельфинам на вегетарианство не перейти? – Лера выдернула из пачки еще одну сигарету, подумав, что многовато будет, ну да ладно, один раз помирить. Затянулась пару раз, тряхнула головой. – Извини, я не хотела тебя обидеть.

– Ничего. – Макс примиряюще улыбнулся. – Наверное, мне полезно было это послушать. Никогда не смотрел на вегетарианство с такой точки зрения. Очень интересно.

Почему-то его примирительный тон Леру опять завел:

– Это все пустое. Я тебе слова, ты мне слова... А толку-то? Интересно, говоришь... Недавно в соседнее отделение мальчишечку привезли с тяжелой пневмонией. Я как раз на приеме дежурила. Думала, ему лет пять, а ему девять. Мелкий, тощенький, аж прозрачный. И бледный до синевы. Гемоглобин, какого у живых людей не бывает. Одет, однако, прилично, вряд ли бедствуют. Я, каюсь, не сдержалась, что ж, говорю, вы его не кормите, что ли, что бледный такой? Мамашка прямо обиделась: да вы что, у нас всегда яблоки на столе стоят. Яблоки? Ну да, говорит, в них ведь железо, а железо необходимо, я не какая-нибудь там безграмотная. И, кстати, как у вас тут с питанием? Я сперва не поняла: ну, говорю, не ресторан, а больница, но кухня у нас вполне на уровне. Она губки эдак куриной гузкой сложила: вегетарианского стола у вас, конечно, не предусмотрено? Вы там запишите где надо, я сама буду ему привозить. Почему я ее прямо там не убила? Яблоки! Того железа, что в яблоках, хватает здоровому человеку. А тут анемия пышным цветом цветет, парнишку печенкой надо откармливать, не считая гематогена и прочих препаратов. Я ее припугнула, что в органы опеки сообщу – под угрозой не только здоровье, но и жизнь ребенка. Вообще-то этих, из опеки, сама не жалую, но чем такую проймешь? А она сразу: да я, да вы права не имеете! Хорошо, Евдокия Никитична, санитарка приема, догадалась зава вызвать. А Степан Аркадьич мамашку сразу: у вас месячные регулярные? Она взвилась: что вы себе позволяете?

Макс явно удивился:

– При чем тут месячные этой...

– Этой дуры, – подхватила Лера с усмешкой. – При вегетарианстве, дорогой, организм долго недополучает необходимое, эндокринная система, естественно, разбалансируется, дальше начинается всякое веселье. Тусклые волосы, кожа... своеобразная, ну и репродуктивный цикл страдает, конечно. Да черт с ней, с мамашкой, она взрослая, нравится ей себя гробить – скатертью дорога. А мальчишка-то чем провинился? И он ведь не один такой. Я подобных мамашек и у себя в отделении навидалась. Почему, говорят, так плохо рана послеоперационная заживает, вы его плохо лечите, я на вас в суд подам! Какое, к дьяволу, быстрое заживление, если ребенок не ест того, что нужно. Зато в суд они все готовы бежать – злые медики виноваты. Если бы мальчишка тот нормальное питание получал, может, до пневмонии дело и не дошло бы...

– Ты мне не рассказывала... – почти растерянно проговорил Макс.

– Зачем? – отмахнулась Лера. – Ты тут ничего изменить не можешь, зачем я буду портить тебе настроение? Довольно уж и того, что ты каждое свидание превращаешь в лекцию по защите окружающей среды. Даже сегодня, на дне рождения... Неужели ничего, кроме обычных лозунгов, в голову не пришло? В жизни всякого хватает, так почему бы иногда не забыть о проблемах, не повеселиться, почему бы, в конце концов, со мной не потанцевать? Да хоть бы и не со мной...

– Ну да, типа забыть обо всем, что меня волнует?

«А я, выходит, тебя не волную», – пронеслось в Лериной голове. Она чуть не выпалила это вслух, но вовремя сдержалась – ну уж нет, выпрашивать внимание она не станет.

– Почему именно «забыть»? Знаешь, я рядом с тобой начинаю себя чувствовать... лишней, что ли? Несчастные дельфины, брошенные собачки, несчастные вымирающие пингины... Может, стоит и о людях вспомнить? Все-таки надо как-то иногда... сдерживаться, что ли...

– Думаешь, я могу, как автомат, переключить рычажки – и вуаля, давайте веселиться?

– Вообще-то цивилизованные и воспитанные люди, находясь рядом с другими, именно так и поступают.

– Что ж ты тогда со мной, нецивилизованным, связалась? – Макс, похоже, не на шутку разозлился («Правда, еще вопрос, – подумала Лера, – не из-за того ли, что почувствовал в моих словах правоту»). – Звиняйте, барышня, мы ваших университетов не кончали, тонкому обхождению не обучены. Куда уж нам со свиным рылом в калашный ряд!

Продолжая паясничать, он отвесил шутовской поклон и удалился – почти бегом.

Ну и ладно, сердито подумала Лера, доставая телефон, чтобы вызвать такси. Нечего тут больше делать. Или лучше пешком пройтись? До дома не так уж далеко, и, хотя ноги от усталости уже почти подкашиваются, но ходьба – самый простой способ сжечь выделившийся в пылу ссоры адреналин. Не зря же его называют гормоном «бей или беги», в словесной перепалке его не потратишь, скорее уж наоборот. А неотработанный адреналин лупит и по сердцу, и вообще... не полезен. Интересно, это уже профессиональная деформация или еще нет, подумала она вдруг. Вряд ли многие девушки, ссорясь со своими молодыми людьми, вспоминают в этот момент о гормональном балансе и прочей физиологии. Впрочем, музыкант мог бы оценивать конфликт с точки зрения оркестровки... или инструментовки. А художник запоминал бы оттенки злой бледности и не менее злого румянца... Ай, не важно. От очков, которые надевает на тебя профессия, никуда не денешься. В этом смысле Максова одержимость этой чертовой природой тоже, в сущности, понятна... А ведь завтра – суббота, собирались съездить куда-нибудь вместе на выходные... Ладно, завтра видно будет.

– Уже уходишь? – Борис остановил ее на крыльце.

Лера слабо улыбнулась:

– Да я после дежурства, устала, голова разболелась.

– погоди, сейчас Макса найду.

– Не нужно. Я... я сама... Все нормально, не беспокойся. Спасибо за гостеприимство.

Однако не успела Лера отойти и на десяток шагов, как Макс ее догнал. Буркнул:

– Провожу, – и зашагал рядом.

Еще не остывшая от ссоры Лера буркнула в ответ:

– Вообще-то я такси собиралась вызвать.

– Да тут вроде и недалеко... Прогулялись бы... – примирительно протянул Макс. – В «Магнолию» зашли бы, кофе выпили.

«Магнолией» именовалось кафе в квартале от Лериного дома. Заходить туда Лере вовсе не хотелось, но ведь и насчет такси она и сама уже передумала, а Макс просто так сказала. Проверять – будет настаивать или смирится? Потому что... потому что странно все это. Странно и неудобно. Только что бросал в Леру язвительными репликами, а теперь, извольте радоваться, следом кинулся. Если бы не догнал, все оказалось бы гораздо проще. Отправилась бы завтра с утра в больницу, в субботу там наверняка найдется кто-нибудь, мечтающий, чтобы его подменили. Сосредоточилась бы на работе, отключила бы телефон... Может, к родителям нашла бы время забежать. Да мало ли! Не сошелся же свет клином на этом взбалмошном парне, от легкой улыбки которого внутри все тает. Подумаешь, тает! И без этого жизнь – весьма неплохая штука! Но ведь... догнал же? Значит, Лера для него важна?

– Знаешь, я подумал, что должен тебе сказать, – задумчиво и даже как будто удивленно продолжал Макс. – Я тут все вспоминаю, что ты говорила о вегетарианстве и... Очень странно. Потому что... не знаю, как объяснить. Головой понимаю, что, весьма вероятно, ты права. Но... не думаю, что готов немедленно бежать заказывать бифштекс... не говоря уж о том, чтобы его съесть.

– Можно подумать, кто-то тебя заставляет. И, кстати, бифштекс – не самая здоровая пища. К тому же дневная норма белка ощутимо меньше классического бифштекса. Так что ты мог бы подумать насчет омлета... Или рыбы...

– Моя бабушка делала удивительно вкусный омлет. Сказочный просто. Я даже сейчас иногда его вспоминаю... И ставриду она жарила так, что запах на пол-улицы стоял... – Он печально улыбнулся. – Только не думай, что ты победила.

– Макс, я вообще не воюю, – устало вздохнула Лера. – Какое, к лешему, победила? Я не ставила цель тебя агитировать. Просто проинформировала о... гм... некоторых базовых вещах.

– Ну, не знаю, может, я неудачно выразился. Почему-то вечно так получается, что говорю вроде нормально, а выходит черт знает что. По-моему, нам давно надо, что называется, сверить часы. А то мне частенько кажется, что мы под одними и теми же словами понимаем совершенно разные вещи. И наоборот: разными, чуть не противоположными словами, говорим об одном и том же. Тебе так не кажется?

Лера пожала плечами – не все ли равно, что ей кажется, чего не кажется, чего хочется, от чего с души воротит. Слова – это, как ни крути, всего лишь слова.

– То есть посидеть где-нибудь и поговорить ты не хочешь?

– Макс! – почти взмолилась она. – Я двое суток на ногах, мне бы до постели добраться, – и порадовалась про себя: усталость, причем реальная, не выдуманная – отличная отмазка. Ведь стоит сейчас, когда ссора еще толком не остыла, начать «сверять часы», и чем это закончится? Опять искры полетят. Нет уж, лучше завтра, на свежую голову. Отоспавшись, вернувшись в привычное душевное равновесие...

Но Макс неожиданно сказал:

– Не, ну а почему бы и не сейчас? Ты же завтра не дежуришь, сможешь поспать сколько душа захочет, хоть до обеда, хоть до вечера.

– Завтра? – Лера удивилась. – Мы же, по-моему, собирались куда-нибудь на все выходные... Что вряд ли предполагает сон даже до обеда, не то что до вечера.

– Лер, – он виновато потупился, – в эти выходные не получится.

Вот, значит, зачем он ее догнал! Вовсе не для того, чтобы сгладить ссору. А чтобы... а в самом деле – зачем? Предупредить, что завтрашний вояж отменяется, можно было и по телефону. Даже разговаривать не обязательно – написать эсэмэску, что, мол, ситуация изменилась, все отменяется. А он решил лично... Значит, все-таки она, Лера, играет в его жизни не последнюю роль?

С трудом справившись с сумбуром в голове, она сухо поинтересовалась:

– Опять кого-то спасать требуется? И срочно-срочно-срочно? – Лере не хотелось, чтобы ее реплика звучала язвительно, это получилось как-то само собой. Сейчас Макс заявит, что насмеяться над естественным человеческим стремлением помочь – это... Что именно – это, Лера додумать не успела.

Цепляться к ее саркастическому тону Макс не стал. Как будто и не заметил.

– Да так... – Он досадливо поморщился. – Нужно кое с чем разобраться. Ты кофе не хочешь?

М-да. За время недолгого вроде бы разговора они уже дошли почти до «Магнолии». Действительно, такси вызывать уже совсем глупо, до дома два шага осталось. Лера помотала головой:

– Нет. Кофе не хочу, апельсиновый фреш не хочу... – На язык просилось раздраженное «даже водки не хочу» – чтоб уж вовсе довести дело до абсурда. Но Лера, сдержавшись, продолжила вполне спокойно: – Вот спать хочу... – и добавила, как могла, мягко: – Жаль, конечно, что выходные срываются. Я специально подгадала... Эти твои дела отложить нельзя?

Макс помотал головой:

– Это не от меня зависит... Не хотел тебе говорить, но... Понимаешь, тут промелькнула информация о браконьерах. Богатые дяденьки решили развлечься, охотясь на дельфинов. На дельфинов! – Голос его взвился почти до крика.

Лера почти физически почувствовала его боль.

– Тише, тише. – Она погладила его по руке, успокаивая. – Охота ради развлечения – это действительно гнусно, тут я с тобой согласна. Ладно еще в прежние времена, ради пропитания, но сейчас? И – на дельфинов? Ладно еще на кабанов каких-нибудь, шашлык там или что еще. Но дельфины? Не понимаю. Разве их едят?

– Кое-где едят, – буркнул Макс. – В Дании вон чуть не тысячу особей ежегодно убивают, традиция у них, видишь ли, такая! Цивилизованные европейцы! Тьфу! А, ладно! В конце концов, кое-где и обезьян едят – в Африке и в Южной Америке – там другого мяса вроде бы нет. Но тут, у нас... тут другой случай. Чистая развлекуха. С-сволочи!

– И что ты собираешься делать?

– Остановить эту дикость, разумеется! И не я. Мы. Наметили программу... Вот составили меморандум. – Слегка притормозив, Макс полез в глубины рюкзака, с которым почти не расставался, пошарил, выудил красную пластиковую папку. – Подписи собираем. Ну и так далее.

Лера машинально приняла из его рук папку, но, даже не открыв, сунула под мышку.

– Макс, но что это даст? Ну соберете вы три десятка, да хотя бы даже три сотни подписей, отправите свой манифест, или как его там, в какое-нибудь «зеленое» сообщество. Все возмущены – и? Реальные проблемы не решаются какими-то невнятными бумажками с эмоциональными лозунгами.

– Смею тебе напомнить, – довольно язвительно проговорил Макс, – что современное устройство мира началось с подписания, как бы ты выразилась, бумажки, декларирующей создание Организации Объединенных Наций. Так что не надо недооценивать... бумажки. Да мы и не собираемся этим ограничиваться.

– Вы... – догадалась вдруг Лера. – Вот почему ты планы на завтра изменил? Вы собрались устроить... пикет? Ну или что-то в этом роде?

– Что-то в этом роде.

– Ты с ума сошел? Это безумие! Это... это опасно!

– То, что задумали эти скоты, опасно для дельфинов, – сухо парировал Макс.

– Не только. Ты не подумал, что браконьеры наверняка вооружены не только гарпунами – или чем там на дельфинов охотятся. Наверняка у них найдутся аргументы и против таких, как вы, любителей природы. Защитнички!

– Понятно. – Голос Макса хрустел, как пересохшая бумага. – То есть приглашать тебя с нами не имеет смысла?

– Ты удивительно догадлив! – Теперь Лера уже не старалась удержать так и льющийся в голос сарказм. Обида подступала к самому горлу – еще не хватало слезу пустить! Нет уж! Не дождется! Сарказм не позволит догадаться, как ей на самом деле больно. – И это тоже забори. – Она сунула ему в руки красную папку, которую так и тащила под мышкой. – Верю, что намерения у вас самые благородные, но помнишь, какая дорога вымощена благими намерениями? Как-то мне не хочется ставить свою подпись под прекраснотушной болтологией.

– Вольному воля. – Макс распахнул перед ней подъездную дверь. Надо же, Лера и не заметила, как они оказались возле ее дома. – Желаю приятно отдохнуть.

– Непременно!

Она даже не поцеловала его на прощание, так разозлилась. Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть, выстукивали каблучки, когда Лера, стиснув зубы, взбегала по стертým ступеням.

Уже нырнув в просторную футболку, служившую ей пижамой, Лера начала сердиться уже на себя. Надо было не на эмоциях разговаривать, а с помощью логики. Да что там, стоило хотя бы выяснить поподробней, что за акцию Макс на завтра планирует. И попытаться отговорить его от очевидных безумств.

Чтобы выяснить завтрашние планы Макса, достаточно было заглянуть в его блог, но Лера почему-то медлила. Чувствовала неловкость. Как будто исподтишка подглядывать. Ну да, блог – штука публичная, но все равно. Словно бы сказать что-то в глаза – или спросить – боишься и выясняешь стороной, потихоньку...

А если не стороной и не потихоньку... Вообще-то, подсказал здравый смысл, если уж тебе так обидно, что Макс посвящает себя дельфинам, а тебе остаются сущие крохи, может, для начала неплохо бы выяснить, что это вообще такое – дельфины? А то обижаешься, что он мало интересуется твоими делами (кстати, когда тебе нужна помощь, Макс безотказен, этого отрицать невозможно), а много ли ты сама его делами интересуешься? Что ты знаешь о дельфинах, кроме того, что они живут в море, но при этом млекопитающие? Макс сегодня, когда его понесло, договорился до того, что у них сложноорганизованный язык, поэтому они чуть ли не равны людям. Но это ведь по словам Макса. Он увлекающийся, проверять информацию не склонен. Прочитал где-то или услышал – и загорелся. А ведь сказать-то что угодно можно.

Сколько Лера себя помнила, она всегда училась. И искренне благословляла эпоху Интернета, максимально облегчившую доступ к источникам информации. Слыша презрительное «ах, из Интернета...», она только усмехалась. В Интернете есть все: и шарлатаны, обнаруживающие древнеславянские письмена в недрах египетских пирамид (прямо по Высоцкому, ей-богу: «в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке»), и яростные борцы с прививками, и убежденные сторонники «общества плоской земли». И почти рядом со всем этим – источники более чем академические. Кто сказал, что солидная наука избегает Интернета? Если вам лично попадается исключительно квазиинтеллектуальный мусор – значит, вы просто не умеете искать. Точнее, не умеете определять серьезность информационного источника. «Все знают, что» – в помойку. «Многочисленными исследованиями подтверждается» – туда же, ровно до тех пор, пока не приведете документально подтвержденные результаты хотя бы полудюжины этих самых исследований. И не на коленке сляпанных, а по всем правилам научной методологии.

Так что плавать в информационном море Лера умела.

Про сложноорганизованный язык дельфинов – то есть что это действительно язык, не какая-нибудь система простейших сигналов «еда-опасность-размножение», – про это Макс не сочинил и не преувеличил. Скорее даже преуменьшил. Ну или не стал излагать подробности. Лера отправила в закладки десятка полтора страниц – для последующего, более тщательного изучения. Особенно те, что были посвящены дельфинотерапии – пусть она и не психотерапевт, но все равно интересно. В закладки отправились и статьи о «дельфинах-самоубийцах»: упомянутые Максом малые косатки были, оказывается, чем-то вроде морских леммингов. Как известно, эти мелкие зверушки время от времени тысячными стаями бросаются с какого-нибудь обрыва – никто не знает почему. Малые косатки регулярно выбрасывались на берег – тоже огромными стаями, и тоже никто до сих пор не понимает причин...

Материалов же об исследованиях дельфиньего языка в Сети имелось великое множество. Лера пробежалась только по верхушкам, сердясь, что изрядно уже подзабыла английский, так что вдумчивое изучение вопроса займет бог знает сколько времени. Но и «верхушек» хватало, чтобы понять: исследования велись отнюдь не «на коленке», методы их были вполне научными, а результаты повторяемыми – один из основных критериев достоверности. Эти результаты... впечатляли. В общем, сделала она вывод, Макс сказал гораздо меньше, чем мог бы...

Некоторые материалы – не о дельфиньем языке, а о них самих – Лера прочитала целиком. В конце концов, в медицине ничего не поймешь без знания анатомии, а в тайнах мозга не сумеешь разобраться без хотя бы базовых знаний о биохимии и физиологии нервной системы. Ну или если еще проще: не зная букв, читать не выучишься.

Видов дельфинов оказалось очень много. Кроме привычных по кино афалин и упомянутых сегодня Максом малых косаток – еще десятка три, включая даже и пресноводных. Хотя о пресноводных Лера, кажется, и раньше слышала. Точно! Бабушка в последние годы дня не могла прожить без кроссвордов, Лера носила их килограммами, и там частенько попадался «амазонский дельфин». Какое-то короткое слово... Иния, нахмурившись, вспомнила она. Амазонский – это ведь пресноводный, так?

Но и кроме пресловутой инии, существовало еще несколько десятков разновидностей.

Она поглядела на снимки той самой малой косатки – вот уж действительно, никакой улыбки. Физиономия, правда, не угрожающая, но зубищи – ого-го! Сколько-сколько? Две сотни? Такими можно ногу отхватить, руку – уж точно. Но притом случаев нападений дельфинов на человека – в том числе и крупных дельфинов – зафиксировано не было.

Зато люди нападали на дельфинов постоянно. Только к концу двадцатого века начали потихоньку запрещать дельфиний промысел. Но ведь не все страны присоединились к этому, ох, не все!

Что там Макс про Данию говорил? Вообще-то странно: где Дания и где дельфины?

Но, вбив в поисковую строку «Дания, дельфины», она получила невероятное количество ссылок.

Ткнув в одну из первых – «Жестокая традиция: кровавые датские фьорды», – Лера вздрогнула. Уж на что она привыкла – особенно пока фельдшерилла на «скорой» – к всякому, но это... Красная от крови вода небольшой бухточки, кровавые потеки на скалах, люди с какими-то палками (или копьями?) в руках и – дельфиньи тела. Много, очень много. Загружать предлагаемое автором видео она не стала – с нее довольно было и фотографий. Больше всего ее поразили деловитые лица орудующих копьями людей. Кто-то сосредоточен, кто-то улыбается... И, о боже, сколько же тут молодых! Почти мальчиков... Они же совсем еще дети!

Сглотнув и глубоко подышав, она взялась за текст. Автор не скупился на детали. Оказывается, на принадлежащих Дании Фарерских островах (где это, нахмурилась Лера) существует древняя традиция. Каждый год в бухту загоняют группу дельфинов – и убивают их. Вручную. Острогами. Мальчик, убивший на этой «охоте» дельфина, с этого дня считается полноправным мужчиной. Несмотря на многочисленные обращения зоозащитников, датские власти делают вид, что ничего «такого» не происходит, а проще говоря – отмалчиваются. Традиция, дескать.

Традиция? Леру затошнило от отвращения. И это – рафинированно европейская Дания?!

Впрочем, вспомнилось ей, именно в этой самой рафинированной Дании убили и разделили на корм львам жирафа, у которого оказались какие-то «не те» гены. И не просто, а – на глазах у десятков, если не сотен зрителей. В том числе – детей! Их туда чуть не целыми классами приводили – чтоб детишки собственными глазами могли увидеть, «как устроен жираф».

Сейчас Лера, пожалуй, понимала бешенство Макса.

Если можно устроить подобное шоу в центре Копенгагена, понятно, почему датские власти сквозь пальцы глядят на традиции Фарерских островов. Хотя для любого хоть сколько-нибудь нормального человека такое – дикость. Убивать беззащитных (жираф тоже не сопротивлялся) дельфинов – ради того, чтобы мальчики могли называть себя мужчинами?! Кто же из таких вот... доказавших свою как бы мужественность мальчиков вырастет? Вот, должно быть, откуда берутся террористы... Ну да, тут ведь главное – чужую жизнь ни в грош не ставить. Проблемы индейцев шерифа не интересуют... Фашисты, фашисты, фашисты!

От бессильного злого отчаяния ей хотелось плакать. Только глаза оставались сухими.

Отвернувшись, чтобы не видеть ужаса на мониторе, Лера сделала несколько глубоких вдохов. Успокоить дыхание – успокоить нервы, это правило она знала очень хорошо. Как и то, что эмоции – худший помощник в критических ситуациях. Если хирург будет истерично сочувствовать каждому пациенту – он никогда и никому не поможет. О да, человек силен своими эмоциями, ибо он человек, а не бездушная машина. Но и поддаваться им постоянно тоже не стоит, иначе превратишься в аморфную амёбу, которая вся состоит из одних ощущений: наткнулась на питательную крошку – впитала, кольнули – съежилась. Нет уж, амёбой Лера быть не желала. Вот Макс – это почти сплошные эмоции... Ой ли, мелькнуло в голове, но Лера эту мысль отодвинула – не время. О Максe она подумает потом, а сейчас нужно сосредоточиться на другом. Дикость лилась на нее с монитора, но... откуда известно, что это – правда?

Скепсис, выработанный годами учебы, да и работы – врач она, в конце-то концов, или так... философ какой-нибудь? – заставил искать дальше. Потому что обряд инициации, замешанный на крови, ничуть не лучше людоедства. Ну не может, не может такого быть! Мы в каком веке живем, а? И все это происходит не в дебрях экваториальной Африки, где, по слухам, и каннибализм до сих пор существует! Не среди первобытных дикарей – среди цивилизации. И главное – слишком уж эмоциональны, почти истеричны были вопли тех, кто рассказывал о «фарерском ужасе». О да, фотографии явно настоящие (тем более там и видео предлагается), но – что именно показывают эти снимки?

После изучения более академических источников ситуация стала видеться если не менее страшной, то хотя бы более понятной.

Во-первых, Фарерские острова были датскими лишь относительно. Сперва они находились в норвежском владении, затем в совместном норвежско-датском и в девятнадцатом веке стали наконец принадлежать Дании единолично. Но после Второй мировой войны заявили о собственной независимости и после сложных перетурбаций хотя и остались в составе Дании, но скорее номинально. В ведении Копенгагена – внешняя политика, законодательство, полиция и вопросы обороны. Ах да, еще валюта общая. И все. Повлиять на то, как островитяне устраивают свою жизнь, Дания практически не в состоянии. А жизнь там – Фареры лежат между Шотландией и Исландией – довольно сурова. Благодаря Гольфстриму здесь не бывает морозов, но это и все преимущества. Ни зерновые, ни даже овощи здесь толком не растут, основная пища – рыба и мясо. Да, в том числе и мясо дельфинов. Точнее, черных гринд. Традиционную охоту на них вряд ли правильно называть ежегодной. В теплый сезон она происходит более-менее регулярно и ни к каким обрядам инициации отношения не имеет. Фарерцы просто добывают себе пропитание: добытое (около тысячи голов в год) используется исключительно для внутреннего потребления и составляет около трети пищевого рациона островитян. На общую численность поголовья гринд (около миллиона голов) многовековая охота, судя по всему, не повлияла.

Любопытно – Лера, хмыкнув, покачала головой, – что такой же охотой занимаются жители Гренландии, но общественный резонанс от этого почему-то гораздо меньше.

Столь шокировавшие ее кровавые картины традиционной охоты объяснялись просто. Чтобы убить дельфина мгновенно, не причиняя мучений, нужно попасть в определенную точку на затылке. И не обычным китобойным гарпуном, а специальным, с узким, очень острым лезвием. При этом невозможно не задеть проходящую рядом крупную артерию. Обильное кровотечение, превращающее воды бухты в маленький ад, свидетельствует как раз о том, что удары наносились точно. Будь крови меньше, это означало бы, что удар неточный и смерть наступит не сразу... Лере вспомнился эпизод из прочитанного в юности романа Войнич «Сними обувь твою»: героиня спрашивает рыбацкого мальчика, поразившего ее своей невероятной среди грубости его окружения тонкостью, кем бы он хотел стать, когда вырастет, и юный «ангел» отвечает – забойщиком свиней. Почему же, спрашивает она, с трудом скрывая отвращение. Свиньи так визжат, отвечает мальчик, я убивал бы их быстро. Откуда – в тринадцать лет! – этот мальчик уже знает, что есть милосердие в даровании быстрой смерти, думает героиня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.